

УДК 347.1

DOI: 10.36979/1694-500X-2022-22-3-68-73

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ПОДХОДА К РЕГУЛИРОВАНИЮ СИСТЕМЫ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ

Д.А. Кожакметова

Аннотация. Делается попытка осмыслить имеющиеся в науке и правоприменительной практике проблемы, возникающие в связи с меняющимися условиями экономической, социальной и политической действительности как в отдельно взятом государстве, так и в более глобальном масштабе. Статья содержит результаты анализа автором новейших тенденций развития правового регулирования отдельных объектов гражданских прав, изменившейся структуры взаимоотношений между субъектами гражданских правоотношений. Накопившиеся изменения столь масштабны, что, по мнению автора статьи, должны с неизбежностью повлечь за собой качественный пересмотр функции гражданского права и переориентации ее с регулятивной на охранительную. В обоснование такого предложения автор выдвигает постулат о том, что глобализация в цифровом пространстве является объективной предпосылкой для необходимых изменений принципов правового регулирования гражданских правоотношений.

Ключевые слова: объект; цифровизация; концепция; подход; система; диспозитивность; виртуальность; право.

ЖАРАНДЫК УКУКТУН ОБЪЕКТИЛЕР СИСТЕМАСЫН ЖӨНГӨ САЛУУГА КАРАТА КОНЦЕПТУАЛДЫК МАМИЛЕНИ ТРАНСФОРМАЦИЯЛООНУН АЙРЫМ МАСЕЛЕЛЕРИ

Д.А. Кожакметова

Аннотация. Макалада экономикалык, социалдык жана саясий чындыктын өзгөрүп жаткан шарттарына байланыштуу, илимде жана укук колдонуу практикасында орун алган көйгөйлөрдү бир мамлекеттин алкагында, ошондой эле дүйнөлүк масштабда түшүнүүгө аракет жасалат. Макалада жарандык укуктун айрым объектилерин укуктук жөнгө салуунун өнүгүүсүнүн акыркы тенденцияларына, жарандык укук мамилелеринин субъекттеринин ортосундагы өз ара мамилелердин өзгөргөн түзүмүнө автордун талдоо жүргүзүүсүнүн жыйынтыктары камтылган. Топтолгон өзгөрүүлөр ушунчалык масштабдуу болгондуктан, макаланын авторунун пикири боюнча, алар сөзсүз түрдө жарандык укуктун функциясын сапаттык жактан кайра карап чыгууга жана аны жөнгө салуучудан коргоого кайра багыттоого алып келиши керек. Мындай сунушту негиздөө менен автор санариптик мейкиндиктеги ааламдашуу жарандык мамилелерди укуктук жөнгө салуу принциптерин зарыл болгон өзгөртүүлөр үчүн объективдүү өбөлгө болуп саналат деген жыйынтыкка келет.

Түйүндүү сөздөр: объект; санариптештирүү; концепция; ыкма; система; диспозитивдүүлүк; виртуалдык; укук.

SOME PROBLEMS OF TRANSFORMATION OF THE CONCEPTUAL APPROACH TO REGULATION OF THE SYSTEM OF CIVIL RIGHTS OBJECTS

D.A. Kozhakhmetova

Abstract. In the article, the author makes an attempt to comprehend the problems in science and law enforcement practice that arise in connection with the changing conditions of economic, social and political reality both in a single state and on a more global scale. The article contains the results of the author's analysis of the latest trends in the development of legal regulation of individual objects of civil rights, the changed structure of relationships between the subjects of civil legal relations. The accumulated changes are so large-scale that, according to the author of the article, they should inevitably entail a qualitative revision of the function of civil law and its reorientation from regulatory to protective. In support of such a proposal, the author puts forward the postulate that globalization in the digital space is an objective prerequisite for the necessary changes in the principles of legal regulation of civil legal relations.

Keywords: object; digitalization; concept; approach; system; discretion; virtuality; law.

Концептуальное изменение подхода к правовому регулированию системы объектов гражданских прав связано, прежде всего, с коренной перестройкой общественных отношений и лежащей в ее основе повсеместной цифровизации, которая на сегодняшний день затрагивает практически все аспекты гражданского права.

Невозможно переоценить то влияние, которое оказывают новые цифровые технологии и стремительный рост объема информационных ресурсов на общественные отношения, которые меняют как внешнюю структуру, так и внутреннее содержание. Изменения касаются терминологического аппарата, методов правового регулирования, форм гражданско-правовых сделок, правового статуса участников правоотношений.

Цифровизация в настоящее время стала расхожим термином, под которым понимают переход от подчинения правоотношений юридическим фактам к определению правоотношений посредством записей [1]. Указанная дефиниция кажется нам весьма удачной, поскольку достаточно полно отражает сущность цифровизации. По большому счету цифровизация представляет собой трансформационный процесс переноса материальных вещей в определенную информационную среду, которая существует в виде набора системы цифровых кодов [2].

При этом нельзя не отметить, что указанный процесс начался задолго до того, как стала очевидной объективная перемена, свершившаяся в системе гражданского права. Такие объекты гражданских прав, как безналичные деньги, бездокументарные ценные бумаги, результаты интеллектуальной деятельности, собственно информация, были известны отечественному правопорядку длительное время, на протяжении которого цивилисты, делавшие попытки осмыслить правовую природу того или иного объекта, склонялись к использованию проективного метода познания, то есть объясняли природу нематериального объекта через проекцию на него свойств и качеств, присущих объекту материальному. Так, бездокументарные ценные бумаги признавались ценными бумагами, не имеющими овеществленной формы, но правовой режим таких ценных бумаг был максимально адаптирован под имеющиеся правовые конструкции,

опосредующие применение овеществленных объектов.

В чем мы видим принципиальное различие в концепции правового регулирования, которое наблюдается на сегодняшний день, от той, которая была использована в начале XXI века? В то время нематериальные объекты имели в большей степени случайный, ситуативный характер, на фоне огромного числа объектов материальной природы они выглядели скорее исключением, которое гораздо легче подогнать под имеющееся правило, чем сейчас, когда исключение стало правилом. Количество, перешедшее в качество, диктует необходимость полного, принципиального пересмотра существующей системы правового регулирования. Право, намеревающееся и далее оставаться действенным регулятором общественных отношений, не может игнорировать тот факт, что эти отношения складываются по совершенно иным принципам и на основании качественно иных юридических фактов.

В связи с этим мнение о том, что цифровизация явилась причиной изменения не только представлений о системе объектов гражданских прав, но и представлений о системе юридических фактов гражданского права, с нашей точки зрения, позволяет оценить тот масштаб перемен, которые мы наблюдаем. Расширяется предмет гражданского права, меняются пределы гражданско-правовой ответственности, возникают новые формы и способы осуществления, злоупотребления и защиты субъективных гражданских прав. Так, например, к новым формам реализации гражданских прав относят масштабные информационные проекты – интернет-платформы, которые осуществляют помощь в составлении правовых документов, предоставляют консультации по правовым вопросам, тем самым способствуя осуществлению отдельных субъективных прав посредством совершенно новых способов, сконструированных из коммуникационных ресурсов.

Поскольку каждый из перечисленных элементов системы гражданского права тесно взаимосвязан с прочими компонентами, мы можем говорить о тотальном характере изменений, коснувшихся системы гражданско-правового регулирования.

Итак, мы полагаем, что необходимости доказывать очевидную перестройку имеющейся системы гражданского права как таковой нет. Другое дело, что цивилистика не всегда успевает за процессом развития новых технологий. Пытаясь объяснить то, что мы имеем в настоящее время, наука гражданского права зачастую не может предвидеть и предугадать, с чем столкнется гражданский оборот уже завтра, какие новые объекты гражданских прав будут доступны потребителю как универсальному участнику гражданско-правовых сделок, какие способы осуществления гражданских прав с использованием электронных средств связи будут предложены субъектам правоотношений. Этим «догоняющим» положением объясняется, как нам кажется, некоторая стагнация, которую мы наблюдаем в отечественном правопорядке. Пока наука гражданского права пытается осмыслить новые явления, а законодатель – переложить их на язык законотворчества и вписать в существующую модель правового регулирования, информационные и цифровые технологии делают шаг вперед, и актуальность внесения соответствующих изменений для гражданского права теряется, уступая место очередному познавательному процессу в отношении соответствующего явления или предмета.

Существенные трудности возникают также в связи с используемым понятийным аппаратом. Если раньше гражданское право оперировало устоявшимися категориями, такими как вещь, предприятие, деньги, купля-продажа, субъект и прочие, которые отлично вписывались в существующую систему и наглядно отражали экономические и социальные процессы, то сейчас мы встречаем большое количество совершенно нелегитимизированных терминов, которые, однако, устоялись в повседневном обороте, и требуют либо законодательного закрепления, либо разъяснения их на соответствующем языке законодательной техники. И тот, и другой путь имеет недостатки. Большинство терминов, пришедших к нам из цифровой сферы, представляют собой англицизмы, которые транскрибируются и воспринимаются участниками гражданских правоотношений в большей степени на интуитивном уровне. Любая попытка разложить эти термины

на привычные правовой системе категории приводит либо к искажению первоначального смысла, либо к утрате каких-либо существенных признаков, либо к невозможности их практического применения по причине громоздкой конструкции, используемой для их определения.

В качестве примера можно привести нормативные правовые акты, которые издаются Национальным банком Кыргызской Республики в сфере регламентации оборота электронных денег и деятельности платежных организаций. Не углубляясь в данную сферу, отметим, что те определения, которые содержатся в соответствующих нормативных актах, раскрывающие суть, к примеру, электронных денег, являются крайне сложными для восприятия, а постоянно меняющиеся платежные инструменты вынудили надзорный орган обязать всех субъектов, внедряющих такие инструменты, для которых еще не урегулирован порядок использования, регистрировать их в качестве некоей «новой услуги» и определять соответствующий апробационный период [3].

Другими словами, правовая система на сегодняшний день вынуждена работать в некоем специальном регулятивном режиме, то есть признать, что современные технологии развиваются настолько быстро, активно и непредсказуемо, что разрабатывать единую систему категориального аппарата под них просто не имеет смысла. Право должно стать на порядок более гибким, чтобы иметь возможность отражать все то, с чем сталкиваются реальные субъекты в ходе общественных отношений, участниками которых они являются.

Таким образом, нам следует признать, что современное гражданское право Кыргызской Республики, по сути, современным не является, ведь оно не отражает актуальные тенденции развития гражданского оборота, не учитывает достижения научно-технического прогресса и не готово отразить и закрепить в своих институтах новые правовые явления. Вопрос о потенциальной гибкости отечественного гражданского права остается, к сожалению, открытым. Решение этого вопроса зависит, помимо прочего, от политических и социально-экономических процессов, которые протекают в кыргызстанском

обществе на сегодняшний день. Взаимодействуя с другими государствами на глобальной международной арене, Кыргызстан вынужден воспринимать самые различные подходы к закреплению тех или иных явлений действительности.

Помимо всего вышеперечисленного, говоря о концептуальном реформировании правового регулирования системы объектов гражданских прав, еще раз отметим, что и сама система представляет собой достаточно аморфный, с точки зрения традиционного гражданского права, правовой институт. Наверное, не так много найдется категорий в науке и отрасли гражданского права, в отношении которых было бы столь мало определенности при существенном разнообразии реальных прототипов. Как справедливо отмечается в науке гражданского права, цивилистическое учение об объектах гражданских прав практически не содержит в настоящее время выводов, которые можно было бы отнести к аксиоматичным в юридической науке [4]. Ученые, которые так или иначе обращаются к данной проблематике, как правило, ограничиваются констатацией многочисленных и несогласованных между собой научных представлений об объектах, соотношении категорий «объект гражданских прав» и «объект гражданских правоотношений».

При определенных обстоятельствах подобный подход можно было бы признать искомым гибким подходом к регулированию постоянно меняющейся системы объектов гражданских прав. Действительно, отсутствие единого понятийного аппарата, категориальной системы дает как будто возможность беспрепятственно внедрить в существующую систему гражданских прав некие новые объекты, не разрушая при этом существующей системы, ведь ее фактически не существует. С другой стороны, отсутствие сколько бы то ни было предопределенного подхода к пониманию внутренних закономерностей построения системы объектов гражданских прав лишает возможность дополнить ее новыми, ведь непонимание существующего еще больше затрудняет осознание нового.

Причинами столь «плачевного» положения в цивилистике в части, касающейся доктринальной разработки концепции системы объектов гражданских прав, являются и философские

разногласия, и различия в правопорядках, и отсутствие единообразия в понимании иных категорий (например, субъективное гражданское право, гражданское правоотношение).

Так или иначе, какие бы факторы ни лежали в основе неопределенности и неоднозначности в толковании системы объектов гражданских прав, мы исходим из того, что:

- объект представляет собой явление фактического порядка. Объект – это прежде всего нечто, принадлежащее реальному миру, за счет чего субъекты могут удовлетворить свои реальные потребности и интересы;
- свойства объекта оказывают безусловное влияние на правовую природу и содержание тех субъективных прав, которые возникают в отношении такого объекта (в данном случае это утверждение является прямым следствием ранее озвученного посыла: объект – реален, предопределяет сущность и форму идеальной правовой надстройки).

Таким образом, мы имеем дело с изменившейся реальностью, которая, несмотря на постепенный переход в цифровое пространство и замещение привычных нам традиционных объектов объектами цифровой природы, все же остается той реальностью, над которой возводится правовая надстройка. Следовательно, право не может и не должно игнорировать изменяющиеся условия. Оно призвано отразить, закрепить и урегулировать новые объекты.

Подытоживая все те признаки, с помощью которых мы характеризовали изменения в системе объектов гражданских прав, еще раз отметим, что к ним относятся:

- постепенное и непрекращающееся усложнение объектов гражданских прав;
- возникновение специфических объектов, которые невозможно или крайне затруднительно отнести к традиционным вещам, работам, услугам;
- появление новых объектов, которые прямо не называются в законодательстве в качестве таковых, но при этом активно участвуют в фактическом гражданском обороте.

Все вышеперечисленное позволяет нам сформулировать следующие базовые предпосылки, из которых следует разработать

и реализовать концепцию правового регулирования системы объектов гражданских прав.

Во-первых, следует признать, что существующее доктринальное объяснение и законодательное закрепление системы объектов гражданских прав является неудовлетворительным, поскольку никаким образом не вносит ясность в исследуемый предмет. Следовательно, законодательный подход нуждается в пересмотре независимо от любых объективных изменений и предопределен внутренней рассогласованностью и неоднозначностью имеющейся законодательной концепции.

Во-вторых, необходимо констатировать, что окружающий мир изменился необратимо, и любые попытки апеллировать к прошлому опыту законодательного регулирования или научного познания того или иного правового явления в современной ситуации будут обречены на провал. Невозможно объяснить сущность новых объектов, используя для этого устаревшие правовые конструкции, с помощью лишь одной проекции знакомых правовых признаков на качественно иные явления и предметы.

В-третьих, нужно принимать во внимание, что скорость, с которой развиваются новые технологии, намного опережает скорость развития гражданско-правового инструментария, позволяющего эти технологии опосредовать и внедрить. Это происходит за счет объективных факторов: технологии являются прибыльными с коммерческой точки зрения, именно поэтому в них будут вкладываться инвестиции, тогда как в развитие гражданского права никто ничего вкладывать не будет. Гораздо выгоднее на сегодняшний день обеспечить развитие новой технологии, чем вложить деньги в объяснение того, как эта технология должна быть урегулирована. Это объективная реальность, с которой необходимо считаться.

В-четвертых, следует иметь в виду, что потребность в правовом регулировании новых объектов гражданских прав в целом может быть преувеличена. Так, нами ранее отмечалось, что многие информационные технологии, в том числе использование глобальных коммуникационных сетей, во многом подчиняются не столько юрисдикции конкретного государства, сколько

внутренним правилам, установленным для пользователей такой сети. То есть, фактически мы имеем дело с формирующейся альтернативной традиционному правопорядку, когда общественные отношения становятся виртуальными, а их регламентация устанавливается не универсальными правовыми средствами, с правилами, созданными специально для пользователей того или иного программного обеспечения. При этом, поскольку большая часть таких виртуальных отношений носит частный характер, на них распространяется общий принцип диспозитивности в регулировании частноправовых отношений – разрешено все то, что не запрещено. Поэтому, не нарушая прямые законодательные запреты, правообладатели того или иного программного обеспечения вправе установить совершенно новые, отличающиеся по форме и содержанию правила поведения пользователей виртуального пространства. У традиционного права в данном случае отсутствует необходимый ресурс конкурентоспособности, который позволил бы предложить альтернативный вариант регулирования соответствующих отношений.

Как видно из перечисленного, изменение концепции правового регулирования системы объектов гражданских прав будет состоять, прежде всего, в признании того факта, что действительность как отражаемое явление изменилась, и произошедшие изменения слишком серьезны для того, чтобы их игнорировать.

Мы полагаем, что наилучшим выходом из создавшейся ситуации будет смещение акцента с регулятивной функции гражданского права на охранительную. Если принять во внимание все указанные выше предпосылки, можно сделать вывод о том, что гражданское право не обладает должным инструментарием для эффективного правового регулирования постоянно изменяющейся среды. Гражданское право не в состоянии охватить новые объекты гражданских прав, опосредовать их сущность с точки зрения права, разработать универсальный механизм правового регулирования. По сути все, что может предложить гражданское право, основанное на диспозитивном методе, это – охранительная функция. Такая концепция предполагает, что субъекты постоянно производят и воспроизводят все новые

и новые с технологической точки зрения объекты, самостоятельно определяя их способность служить средством для удовлетворения потребностей таких субъектов. Гражданское право в этом случае будет задействовано только в том случае, когда права и законные интересы таких субъектов будут нарушены. При этом, некоторые способы защиты гражданских прав будут применимы, а некоторые не смогут быть реализованы в связи с тем, что невозможно будет описать, по поводу какого объекта было допущено нарушение.

Разумеется, говоря об охранительной функции гражданского права, мы не можем игнорировать необходимость решения вопроса о том, что представляет собой объект такой охраны. По нашему мнению, в этом случае можно воспользоваться концепцией «благ», то есть охране будут подлежать законные субъективные гражданские права субъектов на определенные материальные и нематериальные блага. Ни перечислять такие блага, ни давать им каких-либо легальных дефиниций, как мы полагаем, не требуется.

Подобный способ очень похож на то, как гражданское право относится к нематериальным благам в целом – жизни, здоровью, чести, достоинству. Признавая данные категории неправовыми изначально, гражданское право не пытается дать им какое-либо определение, сформировать для них правовой режим, определить их существенные признаки. Право признает приоритет иных наук в части поиска подходящего толкования, к примеру, понятия «жизнь». Более точно это может сделать философия. Понятие «здоровье» лучше всего определит медицина. Аналогичный подход мы предлагаем использовать для всей системы объектов гражданских прав.

На вопрос о сущности вещей лучше всего ответит материализм, результата интеллектуальной деятельности – искусство, чести и достоинства – мораль, информации – наука, энергии – физика, животных – ветеринарная отрасль. Гражданскому праву нет необходимости определять все эти объекты, давать им легальное определение, закреплять их правовой режим,

определять название прав, которые могут возникать. Все, что должно сделать право в этом случае – установить принципиальную возможность нахождения объекта в обороте. При этом во многих случаях оборотоспособность объекта констатируется по факту. Другими словами, достаточно установить прямой запрет на оборот отдельных объектов, а все прочие признать оборотоспособными, руководствуясь принципом диспозитивности.

В отношении традиционных объектов гражданских прав, таких как вещи, работы, услуги, гражданское право может сохранить частично регулирующие функции. В отношении же всех прочих объектов, которые уже известны или еще не известны науке гражданского права, последнее может только гарантировать защиту интересов правообладателей. Именно в этом, по нашему мнению, заключается охранительная функция права и то концептуальное изменение, которое необходимо обеспечить для того, чтобы система гражданского права была адекватна и соответствовала актуальным потребностям современного мира.

Поступила: 14.12.21; рецензирована: 04.01.22;
принята: 10.01.22.

Литература

1. Толкачев А.Ю. Криптовалюта как имущество – анализ текущего правового статуса / А.Ю. Толкачев, М.Б. Жужжалов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 9. С. 91.
2. Порываева О.В. Некоторые аспекты влияния цифровизации на гражданское право / О.В. Порываева // Российский юридический журнал. 2020. № 3. С. 60–62.
3. Положение «О специальном регулятивном режиме», утверждено постановлением Правления НБКР от 12.08.2020 года № 2020-П-12\45-3-(НПА).
4. Сулова С.И. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России / С.И. Сулова, У.Б. Филатова // Пролог: журнал о праве. 2019. № 2. С. 8–15.